

«Я — БЫВШИЙ КОМПОЗИТОР!»
НЕИЗВЕСТНЫЙ Д. Б. КАБАЛЕВСКИЙ
В ПИСЬМАХ К ДРУГУ. ОЧЕРК III. (1946–47 ГГ.)¹

«I'M A FORMER COMPOSER!»
UNKNOWN D. B. KABALEVSKY
IN LETTERS TO A FRIEND. ESSAY III. (1946–47)

БЕЗБАХ ЕЛЕНА ВИКТОРОВНА
BEZBAKH ELENA VIKTOROVNA

аспирантка кафедры Истории русской музыки, Московская государственная консерватория имени П. И. Чайковского (университет), доцент кафедры Вокального искусства, АНО ВО «Московский гуманитарный университет»
postgraduate student of Music history department, Moscow state Tchaikovsky conservatory (university), associate professor of vocal art, ANO in the Moscow university for the humanities

Ключевые слова: Д. Б. Кабалевский, Ю. Е. Шенгер, эпистолярное наследие, патриотизм, традиции, русская культура XX века, опера «Непокоренные» («Семья Тараса»).

Keywords: D. B. Kabalevsky, J. E. Schenger, epistolary heritage, patriotism, traditions, Russian culture of the twentieth century, opera «Unconquered» («The Taras Family»).

Аннотация. В данной статье рассмотрены неизученные документальные свидетельства из домашнего архива виднейшего отечественного композитора XX столетия, Д. Б. Кабалевского. Все материалы любезно предоставлены дочерью композитора, Марией Дмитриевной Кабалевской — главным хранителем эпистолярного наследия и дневниковых записей своего отца. До наших дней уцелело большое количество дневников и писем Дмитрия Борисовича. Поэтому автором данной статьи задумана целая серия очерков, в которой будут освещаться новые факты из жизнетворчества композитора, и выявляться неизвестные черты личности Дмитрия Борисовича, долгое время скрытые от окружающих. Ранее уже публиковались два первых очерка, посвященных деятельности композитора во время Великой Отечественной войны (1941–45 гг.).

В третьем очерке повествуется о событиях, происходивших в биографии Д. Б. Кабалевского в первые послевоенные годы (1946–47 гг.). Основой этого очерка стали письма, написанные Кабалевским своему ближайшему другу детства — Ю. Е. Шенгеру. В них в полной мере раскрывается подлинный портрет музыканта — его мировоззренческие установки, творческие устремления, взгляд на окружающую действительность.

Продолжение. Первые два очерка были опубликованы ранее:

1) Безбах Е. В. «Неизвестный» Д. Б. Кабалевский в письмах к другу или «грустная творческая исповедь». Очерк I. // Музыкаведение. 2016. № 6. С. 16–21.

2) Безбах Е. В. «Я не могу не сочинять больше...». «Неизвестный» Д. Б. Кабалевский в письмах к другу. Очерк II. // Учитель музыки. 2016. № 4 (35). С. 28–32.

Ключевыми моментами в жизнедеятельности Д. Б. Кабалевского в тот период времени стала его литературно-редакторская деятельность и работа над оперой «Непокоренные» (впоследствии — «Семья Тараса»).

Эти сведения ранее не изучались и не описывались в литературных источниках. Они позволяют воссоздать истинный портрет виднейшего отечественного композитора XX столетия, Д. Б. Кабалевского.

Annotation. This article examines unexplored documentary evidence from the home archive of the most prominent Russian composer of the 20th century, D. B. Kabalevsky. All materials are courtesy of the composer's daughter, Maria Dmitrievna Kabalevskaya — the main custodian of her father's epistolary heritage and diary entries.

A large number of diaries and letters of Dmitry Borisovich have survived to this day. Therefore, the author of this article conceived a series of essays, which will cover new facts from the composer's life-creation, and reveal unknown personality traits of Dmitry Borisovich, long hidden from others. Previously, the first two essays on the composer's activities during The Great Patriotic War (1941–45) were published.

The third essay tells the story of the events that took place in the biography of D. B. Kabalevsky in the first post-war years (1946–47). The basis of this essay were letters written by Kabalevsky to his closest childhood friend — Yuri E. Shenger, they fully reveal the true portrait of the musician — his ideological attitudes, creative aspirations, view of the surrounding reality.

The key moments in the life of D. B. Kabalevsky at that time was his literary and editorial activity and work on the opera «Unconquered» (later — «The Taras Family»).

This information has not previously been studied or described in literary sources. They allow you to recreate a true portrait of the most prominent Russian composer of the 20th century, D. B. Kabalevsky.

Первые послевоенные годы стали одним из самых тяжелых периодов для нашей большой страны. Однако, невзирая на все сложности, — многочисленные людские потери и колоссальные разрушительные последствия, причиненные фашистами русскому народу во время войны, страна пребывала в состоянии общенационального подъема. Отстраивались разрушенные города, налаживался быт, шло постепенное возвращение к нормальной жизни.

Д. Б. Кабалевский тоже был вовлечен в эту волну национального подъема и испытывал внутреннюю потребность приносить пользу своей стране. Он хотел сочинять, сочинять и еще раз сочинять! Создавать новые произведения на злободневную тематику. Передавать в этих опусах все, что знал о войне, что видел собственными глазами в 1942 году на фронтовых рубежах и в подвергавшихся бомбардировкам Москве, Ленинграде и других городах. У композитора созрел один творческий замысел за другим. Но ... эти замыслы сталкивались с препятствиями в виде многочисленных общественных поручений, которыми Дмитрий Борисович обрастал все больше год за годом. Руководство же, вовлекая композитора в обязанности, не считалось с его категорическими возражениями и главным аргументом — нехваткой времени на создание новых произведений. Попытки Дмитрия Борисовича освободить себя хоть от некоторой части общественной нагрузки не приводили к желаемым результатам. По сути, это была борьба композитора за возможность сочинять! Звучит нелепо. Порой наступали

моменты, в которые Дмитрий Борисович чувствовал себя совершенно «загнанным в угол», но повздаться об этом он мог только самым близким людям, к числу которых принадлежал Ю. Е. Шенгер¹.

Так, в письме Шенгеру от 13 марта 1946 года Кабалевский пишет: «... лучше быть далеко от Москвы и заниматься тем, к чему влечет призвание, чем жить в благословенной Москве и не иметь возможности делать то, к чему чувствуешь неотвратимое влечение. Ты, конечно, уже догадался, что скорбное последнее замечание я отношу к себе! Увы, это так. С таким трудом высвободившись в прошлом году от начального поста на радио, я «влип» снова. Речь идет о журнале «Советская музыка», ответственным редактором которого меня назначили. Выхода не было. Пришлось засучить рукава и

¹ Шенгер Юрий Евгеньевич (1904–1974) — доктор экономических наук, профессор, Заслуженный деятель науки УзССР. Окончил экономический факультет Ленинградского университета (1924). В 1936–1940 гг. — старший консультант отдела финансов Госплана СССР, заведующий кафедрой Московского финансового института. В 1939–1940 гг. — руководитель группы консультантов при секретариате Правления Госбанка СССР, эксперт Планово-экономического управления Госбанка СССР. В 1940–1945 гг. — начальник сектора кредитования сельского хозяйства Башкирской конторы Госбанка СССР, преподаватель Алма-Атинского кредитно-экономического института. С 1946 г. — заведующий кафедрой Ташкентского института народного хозяйства. В 1955–1974 гг. — проректор по научной работе Ташкентского института народного хозяйства. Награжден орденом «Знак Почета».

засесть за журнал, бросив все! И вот я, бывший композитор, издаю толстый журнал, специальный и единственный в СССР музыкальный журнал — один, без заместителя, без корреспондентов, без машинистки и курьера, с одним лишь секретарем, и даже без помещения! Трудно представить себе что-либо страшнее»¹.

Мысль: «Я — бывший композитор» свидетельствует о том, насколько тяжело переживал Дмитрий Борисович положение, в которое был поставлен. Осознание, что его не понимают и не хотят услышать, ввергло Кабалевского в отчаяние. Безусловно, данные обстоятельства не могли не оказать пагубного влияния на физическое и психологическое состояние музыканта, а вместе с тем и на его творчество. Стали обостряться хронические заболевания. Переутомление возникло как итог гиперзагруженности композитора: «Последнее время я чувствую себя из рук вон плохо... Основная причина в том, что дикое переутомление и нервное истощение, накопившееся годами, “подкрепленное” моим пороком сердца дало весьма дурные результаты... Профессора и врачи потребовали немедленного прекращения работы и лечения в санатории или даже в клинике... Было это больше месяца назад, а путевки мне до сих пор не выдают. И ни кому до этого нет дела, никто не хочет помочь мне, не формально, а по-настоящему. Я чувствую от этого какую-то глубокую обиду. Ведь ты знаешь, как я работал. Знаешь, как меня таскали все, кто только мог и всюду, куда только можно было. Меня заваливали работой, не считаясь ни с моим временем, ни с силами, ни с тем, что это лишало меня возможности сочинять. А сейчас, когда из меня выжали все, что я мог дать, как пустой, высохший тюбик, освобожденный от содержания, а потому бесполезный — меня можно выкинуть ко всем чертям... На душе горько и обидно»². Эти строки, написанные Д. Б. Кабалевским 75 лет тому назад, заставляют задуматься о той несправедливости, которая и раньше допускалась, и встречается сегодня по отношению к заслуженным людям нашей страны.

Но, будучи интеллигентным и скромным человеком, Дмитрий Борисович никогда не выносил тяготы своей жизни на широкое обозрение. В ре-

¹ В очерке цитируются письма из семейного архива Кабалевских, любезно предоставленные дочерью композитора, Марией Дмитриевной Кабалевской.

² Письмо Ю. Е. Шенгеру от 7 мая 1946 года.

зультате многие попросту завидовали ему: служебному положению, которое он занимал и от которого втайне мечтал избавиться ради творчества!

Не смотря на ухудшившееся состояние здоровья Дмитрия Борисовича, от общественных поручений его так и не освободили. Более того, и руководство, и музыкальная общественность требовали от композитора своевременного выполнения возложенных на него обязательств. «Служебно-общественные дела в диком состоянии, — пишет Кабалевский, — напоминаю, что полтора года назад меня без моего согласия и даже без какого-либо предварительного разговора назначили членом редколлегии газеты “Советское искусство”. В день, когда я узнал об этом, я говорил с Г. Ф. Александровым³ и просил освободить меня, мотивируя: 1) дикой перезагрузкой, а потому невозможностью отвечать за работу в газете и 2) тем, что я уже являюсь ответственным редактором журнала “Советская музыка”, то есть становлюсь таким образом руководителем всей музыкальной печати, что неверно в принципе... С тех пор я до сегодняшнего времени не получил освобождения.

И вот парадокс: на днях на совещании по музыкальной критике меня нещадно крыли за плохую работу газеты, упрекая в том, что я “набрал работы больше, чем могу выполнить”. Крыли, правда, не руководители, а некоторые демагоги-музыковеды (демагоги потому, что формально они правы, а по существу издевались надо мной, ибо знают суть дела), но от этого не легче»⁴.

И далее: «Журнал налаживаю с дикими трудностями. Одна деталь: из-за несогласования каких-то вопросов юридического порядка я до сих пор не получаю зарплаты за работу в журнале... Прости дорогой мой друг, что написал тебе столь тяжелое письмо, но с кем же мне быть искренним, как ни с тобой?»⁵.

³ Александров Георгий Федорович (1908–1961) — советский партийный и государственный деятель, ученый-философ, академик АН СССР. Доктор философских наук (1939), профессор (1939). Член ВКП(б) с 1928 г., кандидат в члены ЦК ВКП(б) (с 1941 по 1956 гг.), с 18 марта 1946 г. по 5 октября 1952 г. — член Оргбюро ЦК ВКП(б). Депутат ВС СССР (с 1946 по 1950 годы и с 1954 по 1955 годы). Лауреат двух Сталинских премий (1943, 1946).

⁴ Письмо Ю. Е. Шенгеру от 7 мая 1946 года.

⁵ Письмо Ю. Е. Шенгеру от 7 мая 1946 года.

Непростая ситуация, сложившаяся вокруг редакторской деятельности Дмитрия Борисовича, разрешилась самым неожиданным и нелепым образом: «Я до предела замучен чудовищными условиями, в которые был поставлен как ответственный редактор журнала. Я потребовал освобождения от этой работы. Однако неожиданно получился такой сложный переплет: мое непосредственное начальство вместо того, чтобы пойти мне навстречу, решило “снять” меня как плохого редактора. Но оснований к тому не было, и вышестоящая организация встала на ту точку зрения, что я самый подходящий редактор. Я оказался в идиотском положении, то есть в подчинении у человека, желающего от меня избавиться, но не могущего это сделать. Разумеется обстановка создалась невыносимая. А я тем временем сидел в Москве издерганный и измученный беспредельно и не писал ни одной ноты...»¹.

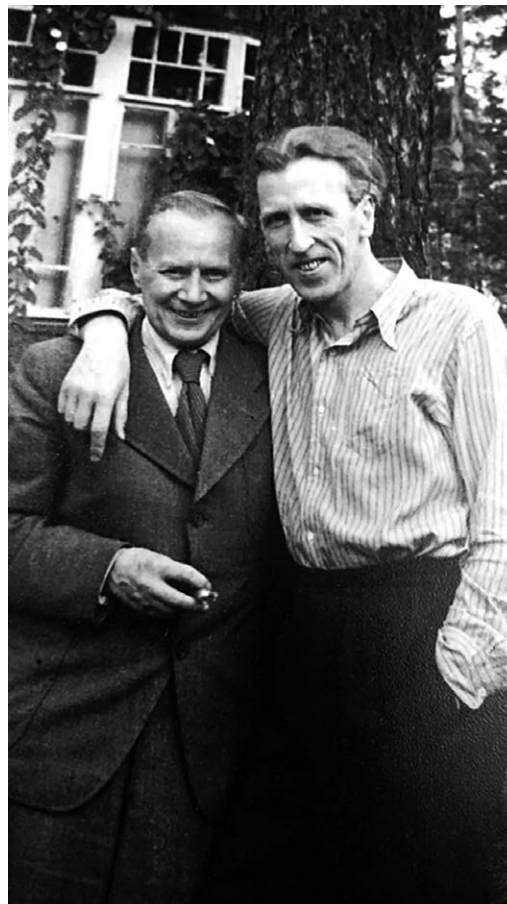
Помимо сложностей с редакторской работой, Кабалевскому пришлось пережить в этот период еще один непростой поворот судьбы, связанный с выдвижением двух его произведений (оперы “В огне” и цикла 24 Прелюдии) на Сталинскую премию. О том, что из этого вышло, Дмитрий Борисович изложил в письме от 13 марта 1946 года: «Где-то выше возник вопрос: “Почему опера не идет?”. Какой был ответ — не знаю, но оперу вычеркнули... Но что же с Прелюдиями? А очень просто — их вычеркнули за одно, не заметив, что черкают 2 произведения, так как они были выписаны в одну строчку!».

В результате, 1946 год был менее успешным для Кабалевского в творческом плане. Понимая, что композиторский застой напрямую связан с общественной работой, разрастающейся как снежный ком, Дмитрий Борисович предпринял следующее: «Решил все бросить и 15-го уехать в Иваново² работать над новой оперой (“Непокоренные”). Когда будет до конца готово либретто — вышлю на суд»³.

Где же композитор черпал силы, чтобы окончательно не пасть духом и продолжать сочинять новые произведения? В первую очередь помогала поддержка самых близких людей — жены, Ларисы Павловны, и Юрия Шенгера, который занимал

особое место в жизни Дмитрия Борисовича. Именно его Кабалевский считал своим самым искренним и верным другом. Об этом свидетельствуют строки из письма Кабалевского Шенгеру от 15 июня 1947 года: «Очень часто возникает острая нужда с тобой свидеться и потолковать на самые различные темы... Как ты знаешь, среди моих знакомых и так называемых друзей кроме тебя не осталось ни одного друга!».

Преодолевать сложные жизненные ситуации композитору помогали его легкий характер и превосходное чувство юмора. В отличие от глубоких душевных переживаний эти качества Дмитрия Борисовича были на виду у окружающих, и в какой-то степени способствовали формированию мнения о Кабалевском как о везучем, успешном композиторе, находившимся под покровительством руководства. «Оставаясь до сих пор, несмотря на все срывы и неудачи, неизлечимым оптимистом, я предпочитаю о скандальном не думать!» — пишет Д. Б. Кабалевский в письме от 22 апреля 1947 года.

Д. Б. Кабалевский и Ю. Е. Шенгер летом на даче

¹ Письмо Ю. Е. Шенгеру от 6 марта 1947 года.

² Речь идет о «Доме творчества композиторов», располагавшемся в городе Иваново.

³ Письмо Ю. Е. Шенгеру от 11 ноября 1946 года.

Наступивший 1947 год оказался плодотворнее в творческой биографии Дмитрия Борисовича. Наконец по достоинству были отмечены заслуги Кабалевского-композитора: ему присудили звание Заслуженного деятеля искусств РСФСР. Событие это сам Дмитрий Борисович называл не только радостным, но и весьма долгожданным, поскольку его осуществление по ряду причин было задержано:

«Сие событие было оттянуто моими влиятельными друзьями ровно на два года, считая с того момента, как Союз¹ выдвинул соответствующее ходатайство»².

Дальнейшая работа над оперой "Непокоренные" пусть не быстро, но продвигалась. Два месяца спустя после того, как Кабалевский приступил к написанию оперы, она (не будучи написанной) уже была включена в репертуар пяти театров. Данное обстоятельство хоть и привнесло определенную нервозность в работу композитора, но и послужило своего рода толчком, побудившим Кабалевского всецело отдаться творчеству. В результате композитор был вынужден сочинять даже по ночам, тра-тя на отдых два-три часа в сутки.

«Опера берет у меня сил гораздо больше, чем я ожидал. Вероятно, неудачный опыт с "В огне" заставляет меня подходить сейчас к работе гораздо более строго, искать новое, отказываться от того, что раньше меня вполне бы удовлетворило» — сообщает Д. Б. Кабалевский в письме от 22 апреля 1947 года.

Прошло еще два месяца интенсивной работы композитора, опера шла к завершению.

«С окончанием музыки в клавире я запоздал ровно на те полтора месяца, которые ушли у меня на отчаянную борьбу за получение отпуска! — пишет Кабалевский, — В итоге, я сижу сейчас в середине последнего (4-го) акта... Сказать что из этого получается мне еще трудно, но в одном я уверен вполне: это выходит лучше, чем "Кола" (не говоря уже об "В огне"). Некоторыми картинами я вполне доволен (пока!)... Все различные прослушивания и обсуждения, которые уже состоялись (ох, как они мешают ра-

боте и как портят кровь!) — проходили в весьма хорошей атмосфере...

Кстати, я убежденно пошел по стопам Мусоргского — Прокофьева и все либретто (за исключением, разумеется, песен — их две) написано в самой обыкновенной простой прозе. Это дает возможность строить и текст, и музыку гораздо гибче, выразительнее, и, главное, реалистичнее... Только б мне успеть, а торопиться то в такой работе невозможно!»³.

Как видим, 1946—47 годы оказались не простыми в биографии Д. Б. Кабалевского. Этот период был наполнен не только взлетами, но и неожиданными поворотами судьбы. Многочисленные события повлияли на все сферы жизни композитора и, прежде всего, на творческий процесс. Дружеская переписка Кабалевского с Шенгером раскрывает внутренний мир композитора, его мировоззрение и отношение к происходящему вокруг. Эпистолярные документы размывают привычные суждения о Кабалевском и позволяют по-новому взглянуть на его личность и творчество. Читая и анализируя письма, написанные Дмитрием Борисовичем, начинаешь слышать голос его души, заставляющий сопереживать большому русскому художнику.

Список источников:

1. Семейный архив Кабалевских (письма и фотографии), любезно предоставленный дочерью композитора, Марией Дмитриевной Кабалевской.

¹ Имеется в виду Союз композиторов СССР.

² Письмо Ю. Е. Шенгеру от 4 февраля 1947 года.

³ Письмо от 15 июня 1947 года.